

УДК 165.1

DOI:

10.15372/PS20180402

А.А.Шевченко**ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ:
НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В статье анализируются и сопоставляются инструментальная и эпистемическая рациональность, при этом основное внимание уделено содержанию понятий «эпистемическая рациональность» и «эпистемическая нормативность» и их соотношению. Показаны различия между требованиями нормативности и рациональности в процессе эпистемического обоснования. Выявлены факторы, способствовавшие популярности «эпистемологии добродетелей», в частности трудности с ответом на «проблему Геттиера» и внутренние трудности, связанные с классическим определением знания.

Ключевые слова: рациональность; нормативность; эпистемология; мнение; знание; истина; обоснование; «эпистемология добродетелей»

A.A. Shevchenko**EPISTEMIC RATIONALITY: THE NORMATIVE DIMENSION**

The paper analyses and contrasts instrumental and epistemic rationality, with the main focus on the content of the notions of epistemic rationality and epistemic normativity and their correlation. It shows the differences between the requirements of normativity and rationality in the process of epistemic justification. The author lists the factors, which contributed to the development of «virtue epistemology», namely the difficulties of dealing with the «Gettier problem» and internal problems with the classical definition of knowledge.

Keywords: rationality; normativity; epistemology; belief; knowledge; truth; justification; «virtue epistemology»

Человеческая разумность – одновременно и важнейший описательный атрибут, и нормативная характеристика, предписывающая использовать наши интеллектуальные возможности наилучшим образом. Проблемы рационального поведения обычно рассматри-

ваются в инструментальном аспекте, и начиная с Аристотеля их рассмотрение имеет стандартную форму практического рассуждения, цель которого – нахождение оптимальных средств для достижения поставленной цели. При этом сами цели в этой модели на рациональность не оцениваются.

Если говорить о научном познании и эпистемической рациональности, то обсуждение обычно неизбежно затрагивает классическое понимание знания как обоснованного истинного мнения. Таким образом, эпистемическая рациональность прежде всего имеет дело с методами и процедурами обоснования, которые позволяют нам получать истинные утверждения о мире. И здесь, как и в ситуации с практической рациональностью, исходная цель исследования чаще всего принимается по умолчанию – предполагается, что такой целью и основной ценностью является истина. Хотя в данном случае сомнения все же возникают. Одной из заметных тенденций в современной эпистемологии стал перенос акцента с обсуждения проблем, связанных с понятием истины, на проблемы обоснования. Это связано, в частности, с не очень успешными попытками ответить на вызов Э. Геттиера, указавшего на возможную случайность истины [1]. Иногда истину приходится защищать с помощью прагматических или даже биологических аргументов, суть которых в том, что истинные мнения в большей мере способствуют нашему успешному функционированию в мире [8].

Во всей проблематике эпистемической рациональности можно условно выделить два аспекта: 1) объективный аспект – способы приобретения достоверного знания, мнений, убеждений, проблемы обоснованности и непротиворечивости отдельных мнений и убеждений, а также проблемы их устойчивости и изменчивости; 2) субъективный аспект – действия субъекта по обоснованию своих мнений и убеждений, поиск убедительных оснований, адаптация мнений и убеждений к существующим реалиям и уже имеющемуся когнитивному содержанию. Традиционно проблема эпистемической рациональности существовала в виде проблемы достоверности знания. Хотя сама эта достоверность понималась по-разному: либо как припоминание знания, которое было доступно душе в потустороннем мире чистой рациональности, либо как самоочевидность аксиом и правил вывода из них теорем с помощью аподиктических доказательств. Однако сильные аргументы скептицизма, такие как невозможность прервать бесконечность обоснования, недостоверность

имеющихся у нас источников информации, логическая возможность того, что чувства наши контролируются внешними силами, а также ряд других доводов привели к изменению представлений об обоснованности и достоверности верований. Абсолютная достоверность сменилась достаточной обоснованностью, что фактически означало включение в сферу эпистемической рациональности понятия вероятности. Достаточная обоснованность мнений и утверждений в таком случае – это не гарантия, а лишь высокая вероятность того, что они истинны.

Когда речь идет о рациональности отдельных утверждений, т.е. утверждений о необходимости или желательности совершения определенного действия, следует помнить, что контекст обоснования таких утверждений налагает заранее заданные эпистемические и аксиологические ограничения. Когда же на рациональность оценивается система явных и неявных утверждений (пресуппозиций), репрезентирующих как представления субъекта о фактическом положении дел, так и его ценностные установки, мы переходим уже на другой уровень анализа – уровень системы утверждений. Здесь критическому анализу подвергаются уже утверждения, ранее считавшиеся необходимыми или достаточными основаниями рациональности того или иного действия или мнения. Переход к оценке на рациональность самих этих оснований, т.е. верований, целей и ценностей субъекта, фактически означает смену исследовательской парадигмы. Проводя параллели между практической рациональностью и рациональностью теоретической, можно заключить, что такой переход на позиции критического отношения к ранее незыблемым основаниям человеческого поведения аналогичен переходу от классической стандартной гносеологии к куновскому релятивизму.

Круг проблем, рассматриваемых под «зонтиком» эпистемической рациональности очень широк. Это, например, вопрос о том, являются ли эпистемическая рациональность и эпистемические резоны особым видом рациональности. В случае положительного ответа на него возникают новые вопросы: всегда ли эпистемические основания имеют нормативную силу, каковы источники нормативности эпистемических оснований, какова их связь с основаниями других типов, вопрос о том, какого рода подкрепляющие свидетельства и данные придают силу этим эпистемическим резонам и многие другие вопросы [3].

И рациональное практическое рассуждение, и теоретическое исследование, всегда имеют место в ситуации неполной эпистемической прозрачности и определенности, в которой наше знание о мире редко оказывается точным или исчерпывающим. Что должен делать в таких условиях субъект действия и субъект познания? Требования как к субъекту, так и к процессу познания в последнее время все чаще формулируются с использованием понятия «нормативность». Это новый и набирающий популярность способ разговора о проблемах, которые ранее описывались с помощью более привычных терминов, таких как «рациональность», «обоснование», «достоверность» или различий «сущее/должное», «факт/ценность» и др.

Понятия нормативности и рациональности тесно связаны и представляют собой два важных способа объяснения действий рационального субъекта. Связь понятий нормативности и рациональности можно трактовать по-разному. Если понимать рациональность предельно широко, как некоторый императив человечности, то нормативность может трактоваться как способ реализации этого императива в виде набора обязательств по отношению к миру – обязательств как практических, так и теоретических. Такое понимание имеет место, когда мы говорим о нормативности морали, языка или права. Это системы внутренних или внешних предписаний. С другой стороны, нормативность может пониматься не как результат работы разума, а как некоторый еще более общий стандарт «должного» и тогда возникает вопрос о легитимации самой рациональности. Тогда мы спрашиваем: почему следует быть рациональным? Дискуссии последних лет показали, что ответ на этот вопрос не так очевиден, о чем речь пойдет ниже. Такое понимание предполагает, что нормативное понимается не просто как должное (противоположное «сущему»), но и как ценное само по себе, как некая неинструментальная, самодостаточная ценность.

Одним из важных аспектов, связывающих рациональность и нормативные требования к процессу познания и его элементам, является тот статус, который мы готовы приписать субъекту познания. При оценке некоторого поступка, решения или познавательного действия возникает вопрос: имеем ли мы в виду реального субъекта со всеми его когнитивными ограничениями или же субъекта идеализированного, требуя от него выполнения всех нормативных требований в некоторой идеальной ситуации, в которой субъекту всегда открыто «действительное положение вещей» в мире? В первом

случае мы обычно имеем в виду рациональность субъекта, во втором случае речь идет о нормативности. При этом нормативно должное поведение может не совпадать с тем, чего требует от человека целерациональность. Проиллюстрировать эту разницу между рациональностью и нормативностью можно примером из статьи Дж. Брума о нормативности рациональности [4]. Представим себе, что в гостях в качестве угощения вам предлагают рыбное блюдо. Прежде чем принять предложение, вы рассматриваете основания «за» и «против» этого предложения. Блюдо на вид очень аппетитное, кроме того, вы не хотите обидеть хозяина невежливым отказом. Вы также знаете, что рыба полезна для здоровья. Разумных причин отказать вы не видите. Но при этом вы не знаете, что рыба на тарелке заражена сальмонеллезом. Конечно, этот фактор перевешивает все вышеупомянутые резоны, и с позиции нормативно должного поведения вам следует отказать от угощения. Однако поскольку вы не знаете о заражении рыбы, то принять предложение было бы совершенно рациональным решением. Этот пример демонстрирует разрыв между требованиями рациональности и нормативности, обращающая внимание на то, что рациональность не покрывает всю сферу нормативного и что кроме рациональных оснований мы нуждаемся в дополнительных способах и процедурах оценки и отбора оснований.

Таким образом, нормативность не ограничивается субъективной рациональностью, а предполагает нечто большее, находящееся вовне, важное для субъекта и при этом требующее от субъекта фактически невозможного – адекватного восприятия этого источника нормативности, не искаженного ни когнитивными, ни психологическими, ни физическими ограничениями. Подлинная обязательность (нормативность) предполагает не только наличие оснований для действия, но и соответствие «природе вещей», т.е. наличие оснований объективных. Похожий пример (со змеей) и аналогичные рассуждения можно найти, например, у Д. Парфита [6, р. 34-35].

Тем не менее, несмотря на этот разрыв, связь между идеями рациональности и нормативности весьма тесная, что позволяет, например, использовать рациональные основания для выделения различных видов нормативности. Так, по сравнительной силе рациональных (когнитивных) оснований можно выделить три вида эпистемической нормативности. О сильной нормативности можно говорить тогда, когда при наличии рационального основания выпол-

нить некоторое действие субъект должен действовать в соответствии с этим основанием. Менее строгая нормативность будет выглядеть так: наличие рационального основания выполнить действие не ведет автоматически к выполнению действия, но становится мотивом или одним из оснований, который субъект принимает к рассмотрению наряду с другими. В этом случае требования рациональности могут вступать в конфликт с нормативными требованиями, порождаемыми другими источниками. Еще более слабый вид нормативности выглядит следующим образом: если рациональность требует от субъекта некоторого конкретного действия, то у него появляется основание совершить это действие. Это самый слабый вид нормативности, поскольку таким основанием является не сама рациональность, а некоторые дополнительные, возможно, внешние обстоятельства. В отличие от «умеренного» случая рациональность не является здесь привилегированным источником нормативности, имеющим приоритет над другими поставщиками оснований и резонов, ее можно считать лишь поводом для действия. Рациональность выступает здесь лишь одним из источников нормативности, и такое основание может быть преодолено основаниями из других источников.

Как уже отмечалось, проблематика эпистемической рациональности включает в себя способы получения, проверки и обоснования знания. В соответствии с классической трактовкой под знанием мы понимаем обоснованное истинное мнение. Соответственно, эпистемическая рациональность (по аналогии с практической, инструментальной рациональностью) должна предоставить нам способы или методы достижения таких истинных обоснованных мнений. Однако на этом пути возникает множество проблем. Во-первых, несмотря на все наши познавательные усилия, всегда сохраняется вероятность ошибки или случайности. Последнее хорошо показал Э. Геттиер, продемонстрировавший, что даже выполнения всех трех условий (наличие сформированного мнения, его обоснованность и его истинность) может быть недостаточно, чтобы считать соответствующее утверждение знанием. Другая опасность связана с тем, что это классическое трехчастное определение знания всегда подвержено угрозе скептицизма. Если настаивать на строгом соблюдении условия обоснованности, то может оказаться, что лишь не очень большую часть наших мнений или утверждений можно назвать подлинным знанием. Еще одна опасность связана с возможным рег-

рессом в дурную бесконечность обоснования. Остановившая его, мы вынуждены соглашаться с тем, что то, что мы называем знанием, всегда недостаточно фундаментально.

Однако главная опасность неожиданно возникала для самой идеи рациональности. Казалось бы, сомневаться в нормативном статусе рациональности вряд ли возможно. Однако в последнее десятилетие вспыхнула оживленная дискуссия, вызванная статьей Н. Колодны «Почему следует быть рациональным?» [5], в которой автор сформулировал провокационный тезис о том, что нормативное требование «быть рациональным» сталкивается с множеством проблем и самый простой способ их решить – от этого требования отказаться. Немного позднее в другой популярной статье Дж. Брум [4], хотя и не согласился с аргументами Н. Колодны, также выразил сомнение в нормативности рациональности, приведя целый ряд новых аргументов. Во-первых, под сомнение можно поставить качество нормативных оснований. Для того чтобы принять рациональность и рациональные основания в качестве нормативной основы, нужно быть уверенным в том, что эти рациональные основания согласованы с миром, т.е. верования и суждения соответствуют реальности, т.е. истинны. Есть и другая проблема: даже в случае согласованных и истинных мнений и утверждений нас может не удовлетворить способ их получения. Это иллюстрирует та же самая «проблема Геттиера». Знание и истинность могут оказаться случайной удачей даже при соблюдении всех нормативных требований к обоснованию того или иного мнения. Ответ на вопрос «почему нужно быть рациональным?» может показаться достаточно простым. Казалось бы, смысл следования требованиям рациональности можно представить как чисто утилитарный: эти требования помогают нам добиться намеченной цели, например, найти подтверждение гипотезы или даже «раздвинуть границы познания». Такое условие кажется вполне уместным, так как нормативность чаще всего связывается именно с разумными основаниями, будь то основания действительные или кажущиеся, внешние или внутренние, субъективные или объективные. Однако здесь проблема в том, что если нормативность рациональности претендует на то, чтобы иметь универсальный характер, то она не может, таким образом, каждый раз зависеть от конкретного резона для конкретного действия.

Перспективным ответом на претензии к рациональности в современной эпистемологии можно считать так называемую «эпистемологию добродетели» (*virtue epistemology*), получившую развитие в последние десятилетия. В качестве одной из начальных вех можно назвать статью Э. Сосы «Плот и пирамида» [7], в которой обсуждаются две основные конкурирующие программы обоснования научного знания – фундаментализм и когерентизм, а в качестве альтернативы предлагается третий путь – вернуть в теорию познания понятие добродетели, сформулировав интеллектуальные эпистемические добродетели в виде нормативных требований, предъявляемых как к познающему субъекту, так и к организации процесса познания. В рамках этого подхода особый интерес представляет такая черта познающего субъекта, как его «надежность». О знании можно говорить только в том случае, если субъект, высказывающий суждение, является надежным источником информации, обладающим набором определенных интеллектуальных добродетелей. Эти добродетели понимаются как устойчивые диспозиции, служащие основным механизмом формирования истинных мнений. Важно здесь то, что сам познающий субъект формирует рефлексивное отношение к своим эпистемическим добродетелям, заботится об их развитии и несет за них ответственность.

Одна из самых авторитетных сторонниц такого подхода Л. Загзебски [10] пишет: «Когнитивно интегрированная личность имеет позитивные установки более высокого порядка по отношению к своим интеллектуальным свойствам и качеству эпистемических состояний. Она не только знает, но и в состоянии знать, что она знает. Кроме того, структура ее убеждений когерентна, и она осознает эту когерентность. Далее, она отдает себе отчет в том, что сведения об известной ей реальности имеют относительное значение. Говоря коротко, она располагает хорошими интеллектуальными качествами» (цит. по: [2, с. 178]). Такой подход можно назвать эпистемическим интернализмом. Важно здесь то, что «надежность» субъекта познания проверяется не с помощью каких-то внешних независимых процедур, а обеспечивается исключительно его собственной рефлексивной установкой, которая позволяет ему знать основания собственных мнений. Дополнительное условие заключается в том, что кроме способности к рефлексии и саморефлексии у познающего добродетельного субъекта должна еще присутствовать и правильная мотивация, не искаженная внешними прагматическими

мотивами, не имеющими отношения к процессу познания. Только такие установки (при наличии, конечно, эпистемической добродетели) исключают, по мнению Л. Загзебски, возможность систематической познавательной неудачи.

По мере развития эпистемологии добродетелей и продолжения дискуссий вокруг «проблемы Геттиера» стало понятно, что кроме истинности или обоснованности мнения процесс познания содержит множество других характеристик, которые могут пролить свет на традиционные проблемы эпистемологии. В эти характеристики входят, например, источник формирования мнения, надежность процесса его получения и ряд других. Рост популярности эпистемологии добродетели способствовал и другим дискуссиям относительно взаимоотношения эпистемологии и морали. В нормативном аспекте особый интерес представляет вопрос о том, являются ли эпистемические обязательства особым видом обязательств или разновидностью обязательств моральных [9]. Что значит, например, обязательство придерживаться некоторого определенного мнения? Эпистемические основания включают в себя как авторитет логического вывода, так и подкрепляющие свидетельства и факты, которые не получают проигнорировать.

В целом же можно заметить, что значительная часть дискуссий об эпистемической рациональности и ее нормативном аспекте – это разновидность споров между интерналистами и экстерналистами в отношении процедур обоснования. Интерналистская позиция очевидным образом близка к субъективизму, согласно которому рациональность того или мнения зависит от когнитивных характеристик субъекта. Именно конкретная перспектива субъекта определяет то, во что ему рационально верить. Нормативный же аспект требует рефлексивного расширения – конструирования гипотетической идеальной рефлексивной ситуации, в которой ответственность продолжает лежать на самом субъекте, но устранены некоторые досадные эпистемические ограничения, при этом никаких внешних гарантий успеха не создается.

Литература

1. *Геттиер Э.* Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 231–233.

2. *Свидерски Э.* «Эпистемология добродетели» Владимира Соловьева // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2. – С. 164–179.
3. *Bondy P.* Epistemic Rationality and Epistemic Normativity. – Routledge, 2018.
4. *Broome J.* Does rationality consist in responding correctly to reasons? // Journal of Moral Philosophy. – 2007. – No. 4. – P. 349–374.
5. *Kolodny N.* «Why be rational?» // Mind. – 2005. – Vol. 114 (455). – P. 509–563.
6. *Parfit D.* On What Matters. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – Vol. 1. – P. 34–35.
7. *Sosa E.* The raft and the pyramid: Coherence versus foundations in the theory of knowledge // Midwest Studies in Philosophy. – 1980. – Vol. 5. – P. 3–25.
8. *Sullivan-Bissett E.* // Biological function and epistemic normativity // Philosophical Explorations. – 2017. – No. 20 (suppl.). – P. 94–110.
9. *Wrenn C.B.* Why there are no epistemic duties // Dialogue. – 2007. – No. 46. – P. 115–136.
10. *Zagzebsky L.* Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. – Cambridge University Press, 1996.

References

1. *Gettier, E.* (1998). Yavlyayetsya li znaniem istinnoe i obosnovannoe mnenie? [Is justified true belief knowledge?]. In: Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitiye [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, Dom Intellektualnoy Knigi Publ., 231–233. (In Russ.).
2. *Sviderskiy, E.* (2000). «Epistemologiya dobrodeteli» Vladimira Solovyeva [Vladimir Solovyev's «epistemology of virtue»]. Sotsiologicheskiy zhurnal [Journal of Sociology]. 1-2, 164–179. (In Russ.).
3. *Bondy, P.* (2018). Epistemic Rationality and Epistemic Normativity. Routledge.
4. *Broome, J.* (2007). Does rationality consist in responding correctly to reasons? Journal of Moral Philosophy, 4, 349–374.
5. *Kolodny, N.* (2005). Why Be Rational? Mind, 114 (455), 509–563.
6. *Parfit, D.* (2011). On What Matters, Vol.1. Oxford, Oxford University Press, 34–35.
7. *Sosa, E.* (1980). The raft and the pyramid: Coherence versus foundations in the theory of knowledge. Midwest Studies in Philosophy, 5, 3–25.
8. *Sullivan-Bissett, E.* (2017). Biological function and epistemic normativity. Philosophical Explorations, 20 (suppl.), 94–110.
9. *Wrenn, C.B.* (2007). Why there are no epistemic duties. Dialogue, 46, 15–136.
10. *Zagzebski, L.* (1996). Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge University Press.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru).

Information about the author

Shevchenko Aleksandr Anatolyevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru.

Дата поступления 27.09.2018